

О прозе Влада Ривлина

Прочитал сразу три книги современного израильского писателя Влада Ривлина: "Палестинские рассказы", "Неудобный русский" и "Здесь слишком жарко". Прекрасная проза, прежде всего его военные рассказы и повести. Сразу видно, что это не художественные фантазии, не зарисовки журналиста, побывавшего на войне, а проза, пропитанная потом и кровью реального участника событий. Я бы не постеснялся сравнить её с такими книгами, как "Три товарища" Эриха Марии Ремарка или "Прощай, оружие!" Эрнеста Хемингуэя. Такое же фронтовое братство и такое же неприятие самой войны, отторжение от неё. Да и предисловие к одной из книг написал такой же фронтовик-десантник, наш общий с Ривлиным друг Илья Шамир: "Эта жесткая проза, следующая в кильватере "Жёлтого времени" Давида Гроссмана и других документальных израильских рассказов об оккупации. Она будет интересна русскому читателю, который мало сталкивался с израильской разоблачительной прозой и зачастую черпает свои представления об израильском прошлом и настоящем из израильского же официоза".

Влад Ривлин своим боевым прошлым заслужил право написать самую горькую правду об этой войне. Как считает сам писатель: "При написании повестей и новелл, вошедших в эту книгу, мною диктовало прежде всего стремление разрушить негативные стереотипы и сблизить два враждующих братских народов. Для меня важно было показать, что израильтяне — это не только оккупанты, а палестинцы — не только террористы. И те, и другие — прежде всего люди..."

Думаю, и нашим русским читателям станет близок Омри Шарцман, почти автобиографический герой повести "Дневник капитана Шарцмана", участник самых жестоких боев, постепенно понимающий и бессмысленность, и ненужность арабо-израильской войны, спасающий мирных арабов от жестокого с ними обращения.

Влад Ривлин родился на Украине в 1965 году, учился на историческом факультете МГУ, работал в школе, в начале перестройки уехал в Израиль, сначала работал в киббуце, на стройке, получил второе компьютерное образование, служил в армии.

Его публицистические материалы по истории и политике регулярно выходили в израильских и зарубежных СМИ. Проза печаталась в российских журналах "Сибирские огни", "Огни Кузбасса", "Университет Культуры". Стихотворные миниатюры — в газете Союза писателей Болгарии "Словото Днес". Рассказ "Повезло старухе, повезло!" отмечен премией литературного конкурса "Золотое перо Руси 2010". Живёт в Тель-Авиве.

Свою антивоенную прозу опубликовать в Израиле не смог, с 2010 года печатается в

России и Болгарии. Сейчас входит в число самых активных сторонников арабо-израильского примирения и построения единого Палестинского государства.

По книгам Ривлина становится понятной и сложная судьба всех русских евреев, переехавших на свою историческую родину, и уже ставших для всех местных на всю жизнь — окончательно русскими. Как говорит один из героев его рассказа "Здесь слишком жарко":

"Здесь жарко! Слишком жарко! — всё время повторлял Слава. — Можно привыкнуть, приспособиться, смиряться... Но полюбить — нельзя!.. Здесь всё слишком чужое, и никогда оно не станет для нас родным. Жизнь проходит тут бесцельно. У меня такое чувство, как будто я и не жил все эти годы... И всё время эта бессмысленная война! Снаружи и внутри! Ты не живёшь, а выживаешь. Если сейчас войны нет, то потом она всё равно обязательно будет. Там ты враг, а здесь ты чужой. Одна радость, что все евреи. Но что мне радости от того, что тут все евреи..."

Вчитываясь в прозу Влада Ривлина начинаешь сопереживать и погибшим арабам, и погибшим евреям, и задаешь себе вопрос: а зачем они гибнут? Но ведь этот вопрос можно отнестись ко всем бессмысленным военным конфликтам на земле, ко всей жизни человеческой за всю историю. Для чего мы все живём? Для чего убиваем друг друга? Вот поэтому и строят отцы погибших араба и еврея общий детский сад на общей земле.

"Я попытался глазами своих героев увидеть бесконечное противостояние не как войну между евреями и арабами, а как противостояние между людьми, которые говорят на разных языках, исповедуют разные религии, но независимо от всего этого им свойственны благородство и низость, мужество и малодушие, ненависть и естественное стремление творить добро. Взгляды на жизнь главного героя отражают мнение очень и очень многих израильских солдат и офицеров", — пишет Влад Ривлин.

Всё написанное прочувствовано, пережито самим автором за последние двадцать пять лет. Его любимый герой капитан Омри погиб на войне, но записи дневниковые (как это часто бывает в русской литературе, воспоминаниях лермонтовского "Героя нашего времени") попадают в руки писателя. И уже писатель Влад Ривлин спрашивает себя и других:

"Что заставляло его каждый раз рисковать собственной жизнью? Почему он делал то, что было ему не по душе?.. Он ненавидел эту войну, считал её несправедливой и, тем не менее, каждый раз послушно отправлялся в зону боевых действий. Пытается это понять, я снова и снова читал его дневник, но выводы решил не делать. Поэтому все записи сохранил в том

цветком". "Неувядаемая нива" — это жизнь будущего века, наполненная бесконечной любовью". Михаил Карачёв также прозревает это состояние осуществившейся в вечности любви:

Мы уснём, как потухшие свечи.
Пусть над нами существует вечность.
Вольный ветер свистит за стеной,
— Сладко спать у любви за спиной.

...Мы когда-нибудь выйдем из плоти,
Нас отпустит закон тяготения.
Опыши меня в мёртвом полёте,
— Я заплачу тебе из забвенья.

Но и в этих стихах, в последней строке, звучит печаль о несбывшейся земной любви. Ведь истинная любовь — это всегда жертва, а все мы так мало жертвенны, и так много просим. А потому возникает сердеч-

ная боль — чувство вины и покаяния перед близкими людьми, любившими нас, и перед родиной, взрастившей нас:

Зачем я жду сердечной укоризны,
Вернувшись в юность, в дальнее село,
Где жизнь прошла, как ожиданье жизни.
Здесь сверстники состарились давно.
Где этот зов живой сердечной воли,
Влекущий в даль, в мерцающий поток!
И почему виденное чистой боли
Не исчезает матери платок?

Особенно примечателен конец этого стихотворения, свидетельствующий о душевной тонкости поэта, его духовном зрении: Ещё чуть-чуть — сожнётся поколение, Спресуется как бессловесный прах! Так почему не ужасом, не тлением, — Я откликаюсь радостью на страх!

Этим душевным состоянием, которое можно только почувствовать сердцем, но трудно передать обычными, непоэтическими, словами, проникнуты и другие стихотворения Карачёва. Например, в стихотворении "Это хрупкое время не право..." путник возвращается домой по лесной дорожке "и выходит к родимому берегу, к деревушке за тёмной рекой". А затем звучат пронзительные строки о том, что чувствовал человек, в непогуду вернувшись после многих лет скитаний на оставленную когда-то родину:

Над стремниной тягучей, глубокой
Трос качается, подка скрипит,
И по сердцу скользит одиноко
Одинокость прибрежных ракушек...

... И забвенья беспамятный холод
На безудержно тёмной волне
Рвёт и треплет слабейший повод
В ненадёжном скрипящем челне.
Отчего же восторженным стоном
Вырывается вздох из груди
И, сливаясь с окрестностью, тонет,
Окликая в крошечной дали!

Следует отметить, что по силе трагического звучания стихотворения Михаила Карачёва близки к поэзии Тютчева, например к таким его строкам: И бездна нам обнажена С своими страхами и мелами, И нет преград меж ей и нами — Вот отчего нам ночь страшна!

Это же видение тёмной бездны забвения и хаоса, хождение по её краю в поэзии Михаила Карачёва. От падения в неё спасает только любовь, теплота которой согревает душу и рождает в ней искру радости и надежду на Жизнь Вечную:

Пусть во тьме осыплются маки,
Пусть утихли порхание и свет,
— Перестаньте тревожить и плакать!
Ничего здесь погибшего нет.
Всё, что умерло, — рядом таится.
Всё имеет и душу и свет,
И ночными глазами глядит,
Излучая незримый свет.

К 75-летию со дня рождения Геннадия Пискарёва

"Память...". Ныне она для меня, одиноко сидящего на нелюдимом острове "преклонного возраста" (боюсь произнести слово старость), стала чем-то вроде подзорной трубы для Робинзона Крузо. Даже лучше.

Геннадий Александрович человек неординарной судьбы, тесно сплетённый с извилинами тернистого пути своей Родины. Выходец из глубинной костромской деревушки

Пилатово — "медвежьего угла", учившийся в сельской школе ещё при керосиновой лампе и закончивший светскую карьеру свою в должности ответственного редактора-начальника отдела издательства "Юридическая литература" Администрации Президента РФ — он, право же, во всяком случае для меня (я работал в своё время в этой структуре, когда Геннадий возглавлял редакцию журнала), стал олицетворением, воплощением сложности, перипетий, падений, и взлётов русской души. Что по духу так совпадает со всем изложенным и в моих литературных работах.

Поводом для нашего разговора может послужить вышедшее к юбилею моего визави "Избранное" его сочинений. В него вошли главные образцы пронзительных очерков и статьи о "селятелях и хранителях" российского государства — крестьянах, жизнь которых герой мой знает не понаслышке, испытал многое на собственной шкуре и осмыслил, работая в крупнейшей нише в мире аграрной газете (тиграж перевалил за 10 миллионов) "Сельская жизнь".

Публикации Геннадия Пискарёва о проблемах села тогда не оставляли равнодушными ни деревенских жителей, ни тех, от кого нередко звучат "ржаное счастье" хлебороба. Как после прохода тралящика по минному морю, рвались даже при полужительных "пискарёвских выступлениях" глубинные бомбы. Не скрою, они (статьи) и сейчас звучат злободневно, волнуют и будоражат ум. Более того, полагаю: издание сочинений талантливого публициста вызвано не только возрастающим интересом читателей к его творчеству, но и возрождающейся активной социальной деятельностью нашего государства.

Сам автор в небольшом предисловии к своей книге на этот счёт говорит так: "Нынешние успехи общества, поломанного, изувеченного "демократией" и "друзьями" народа, достигаются лучшим образом, когда мы вновь обращаемся к прошлому добром опыту, "собирая камни", восстанавливаем преемственность поколений, сцепляя в единое целое благое дела дедов, отцов, сыновей, связывая вновь их "золотой нитью", разо-

ванной беспощадно четверть века назад. По недомыслию одних и по злой воле других" ("Хреновая история").

Крестьянский сын, выросший на природе, но получивший блестящее образование — закончил журфак МГУ и ВПШ при ЦК КПСС, — он судит о сложных вещах удивительно ясно и просто. Но за всем этим, как и за обычными вроде бы результатами труда сельянина, кроется большая работа, в данном случае работа души. Бросающаяся порою в глаза прямота в оценках того или иного явления — не прямолинейность. Твердость в суждениях — не застывшая форма обычных понятий. Это кристалл, огранный огнем пережитого.

В системе взглядов, которые раскрывает в своих произведениях Геннадий Пискарёв, превалирует убеждение: всему основа — чело-

веческий труд. А труд на земле он, подобно французскому просветителю Жан-Жак Руссо, вообще считает разновидностью искусства, называя крестьянский двор — ни много, ни мало — "Новым ковчегом". В итоге на страницах газет, а теперь вот и в книгах появляются статьи и серия запоминающихся очерков — по-слоховски крутых и образных, где с огромным достоинством устами героев утверждаются (приведу дословно) вроде бы простые, но философски мудрые мысли: "Дом — это корень, которым человек прирастает к месту. Человек без дома — всё равно, что без родины" ("Сильные духом"). И далее: "Прежде, чем сын оденет модный костюм, купи ему спецовку рабочую. Не научишь, не приучишь ребёнка работать, он тебя потом уважать перестанет". "Ни в какие времена не отпускал отец ребят своих из дому раньше, чем те испытают первую любовь. Она входит в сердце юности или девушки в пятнадцать-семнадцать лет и, словно якорь, закрепляется на дне души. После этого, куда бы не бросила судьба человека, он постоянно станет ощущать тяжесть разлуки с родиной, с местами, где вырос, с людьми, которых любил".

А такая любовь, обожание "святых и грешных земляков" просматривается при чтении вот этого простодушного, незатейливого этюда: "Мишка Кашин (по прозвищу "Крепкий"), деревенский удалой гармонист, после шальной гулянки в соседнем селе возвращается зелёным лугом домой. На лугу — деревенские гуси. Мишка ловко цапает одного. Открывает крышки на планках гармошки (крючками к планкам крепятся мехи музыкального инструмента), ловко засовывает гуса в ребристую полость. Зашелкивает крышки и, пилякая какую-то мелодию, спокойно проходит мимо хозяйки "гусяного стада" в сторону

овинов, где мусть той же хозяйки, Иван Куклов, топил специальные печи для подсушки зерна.

— Иван! — окликает его ба ж ен н о

Александр КИСЕЛЁВ

Мишка. — Ставь бутылку, будем гуся жарить.

Спустя некоторое время, Мишка и истопник, как жарные коты, урчат над запечённым гусем. Выпивают, закусывая. Иван добродушно похлопывает по плечу соседа:

— Ох, Мишка, ох, плут.

А вечером дома слышит стенания хозяйки: гусь пропал. Тут-то до Ивана доходит: это же он его с Мишкой-прохвостом съел... ("Люди в прошлое влюблены").

Главное достоинство очерков, как уже отмечали критики творчества Геннадия Пискарёва (и я с ними согласен), заключается в том подспудном утверждении, что водораздел эпох не через фундаментальные политические катаклизмы проходит, а через души людей, обычных рядовых вершителей и жертв истории. Поэтому-то, наверное, несмотря на колоссальные проблемы современной деревни, бедственное состояние её обитателей, писатель и публицист Пискарёв, не разочаровавшийся в русском характере, не потерявший веры в глубинные силы народа, надеется: Россию уже в который раз спасёт глухая провинция, упорно не желающая сдаваться под натиском чужеродной духовной интервенции. Очерк "Вдали от шума городского" — яркое тому подтверждение. Прочтите, перечитайте его. И волна истинного, а не ложного и не "квасного" патриотизма, не сомневайтесь, захлестнет вас. Вы увидите, как увидел и автор его, что крестьянин наш — мудрый и отзывчивый, по определению Льва Толстого, — "основная жизненная сила", "переваривший", по словам Николая Бердяева, большевизм, достоин самой высокой любви и признания.

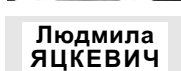
Знающий жизнь труженика земли изнутри, писавший ещё в конце 80-х гг. прошлого века о том, что мы должны прислушаться чутко к тому, о чем говорит меж собою народ, "иначе произойдет трагедия страшнее "Чернобыльской" (и произошла, — А.К.), публицист-провидец, это может показаться странным, нередко и чаще всего от своих земляков, получал весьма и весьма критические отзывы на свои выступления. Любопытна редакция Геннадия Пискарёва на них: "Это они по простоте душевной возвращают. По-своишки. С чужим не смели бы" ("Не верь, чтоб во все папи любви").

"По-своишки". А ведь такое надо заслужить — быть своим среди тех, о ком пишешь, для кого работаешь. Он работал для деревни. Удивительно признание мастера, прозвучавшее в рецензируемой книге: "Ах, если бы была та деревня... Я положил бы к ногам её всё, что скопил-приобрел за долгие годы, и что делал — уверен теперь, лишь бы добиться признания её и одобрения. Её — и никого больше".

(Полностью на сайте denlit.ru)

Размышления о поэзии Михаила Карачёва

Все дарования без любви — ничто (1Кор. 13. 1-2). Этими апостольскими словами можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Автор, переступивший эту черту и утративший способность любить, теряет эстетический вкус и нравственное чутье. Светлоносный алмаз превращается в чёрный уголь. Сама любовь — дар Божий, гораздо более высокий, чем дар поэтический. "Бремя мне легко", — говорит нам Господь. Но сами-то мы слабы бываем, чтобы нести это бремя. Остаётся

Людмила ЯЦКЕВИЧ

стихотворения, то поражает её родство с древней поэтической картиной жизни и смерти. В тексте проступает мистический сюжет восхищения души из этого мира в мир иной. Этот сюжет, в котором восхищение души противопоставлено смерти, зародился в античной культуре, а затем был воспринят христианскими мистиками. Он связан с символами ветра и грозы. История этого сюжета и его символов в мировой культуре прослеживается о. Павлом Флоренским в отдельной статье (Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырёх томах. Том 2). Рассмотрев различные произведения античной литературы и библейские тексты, он пишет: "Незримый, неосознаемый и, однако, могучий и порою всеокушительный порыв ветра, конечно, есть символ наиболее сродный потусто-

ронним силам, врывающимся в мир житейского полчения и восхищающим отселе человека в миры иные. Вот почему едва ли не каждая мистическая система включает в себя и понятие о таинственном порыве нездешнего дуновения".

В стихотворении Михаила Карачёва символ ветра встречается в трёх строках из шести, а о восхищении души лирического героя в мир любящих и любимых свидетельствуют фразы: "Осыни на погосте Трелепати в счастье молодом...", "Слышу, слышу в радости незримой Голоса отставших далеко...", "...далёким воздушном дыша".

Поэтическое восхищение души — сила, побеждающая смерть. Однако о. Павел Флоренский предупреждает: "Для человека, мистически одарённого ... и видящего пред собой силы и знаменания иного мира, думать, что духовных дарований самих по себе достаточно и что большего ничего не требуется для спасения, — очень привлекательно". При этом может возникнуть "повод для величайшего соблазна". Поэты опасно ходят. Это их особенность.

Кроме смерти, бывает и иная разлука, мешающая осуществлению любви. Это трагедия двух любящих людей, утративших взаимопонимание и доверие друг к другу: Не уняйши меня неправдой обо мне, Непонимаем праведным не мучай. И как понять, что вечное — не случай. Вот почему у тягостно вдвоем. О, если б мог на равный разговор Тебя я вызвать из твоей гордыни, — Какой бы бездной отзывался хор, Далёкий и безмолвствующий ныне!

Далее поэт опять обращается к мысли о том, что только в этом мёртвом мире любовь может быть несбывшейся, а в мире истинной любви — она вечно жива:

Так мира мёртвого спадает оболочка, Хоть б я на миг, но явственно понять, Что вновь дана бессмертная отсрочка Ещё любить, ещё тебя обнять.

В этом удивительном стихотворении Михаил Карачёв продолжает традиции русской духовной поэзии, утверждающей бессмертную силу любви.

Смерть и Время царят на земле, — Ты владыками их не зови: Всё, кружась, исчезает во мгле, Неподвижно лишь солнце любви.

Эти ставшие крылатыми строки о любви написал Владимир Соловьёв. Этот же мотив несбывшейся земной любви и любви вечной звучит и в стихотворении Николая Рубцова "Цветок и нива", которое заканчивается такими словами: Взойдёт любовь на вечный срок, Душа не станет сиротлива. Неувядаемый цветок! Неувядаемая нива!

Следуя библейской традиции понимания любви (Пс. 102, 15), земную жизнь человека поэт уподобляет полемому цветку, который быстро отцветёт и завянет. А вечную душу поэт называет "неувядаемым